

И.И. Лейман

*Ярмарки: как считали и как обсчитывали
(охрана правопорядка и статистика на ярмарках
в XIX в. на примере Европейского Севера России)**

Зарождались ярмарки стихийно. Однако со временем процесс организации и проведения ярмарок все больше подчинялся строгой букве закона. Основная ответственность в этом деле возлагалась на плечи местной администрации. Проведение ярмарки было заданием не из легких и требовало большой предварительной работы. Но и с началом ярмарочного торга заботы только прибавлялись. Теперь на первый план выдвигались задачи по охране правопорядка и сбору статистических данных относительно количества и качества привезенного на ярмарку товара.

Меры по охране правопорядка на ярмарках возлагались на уездные и волостные органы управления. Со второй трети XIX в. их обязанности в отношении ярмарок прописывались в законодательстве достаточно конкретно. «Бдительный надзор за исполнением установленных для торговли правил, и пресечением всякого, в противность оным торга» входил в сферу обязанностей земского суда и подчиненных ему лиц. Члены земского суда, кроме земского исправника, старшего заседателя и двух сельских заседателей, постоянно находящихся в земском суде, приписывались к участкам (или станам) и именовались станowymi приставами [1]. Становые приставы возглавляли земское полицейское управление [2]. В обязанности становых приставов входило следить за безопасностью на дорогах и ярмарках лично или через подчиненных членов земской полиции. Непосредственный надзор за ярмарками становой пристав поручал «надежнейшим тысяцким, пяти-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках».

сотским и сотским». Но, по крайней мере, иногда он должен был лично посещать наиболее крупные в стане ярмарки [3].

Тысяцкие, пятисотские, сотские и десятские должны были присутствовать во время больших скоплений народа – праздников, ярмарок и винных выставок – и стараться «разводить и мирить» возникающие ссоры, драки и «другое буйство» [4]. Они выявляли торговцев, «производящих торг, исключительно купечеству предоставленный, без надлежащих свидетельств» или «продающих гнилые и вообще до такой степени испортившиеся съестные припасы, что от употребления их может произойти вред для народного здоровья», например, «испорченные жизненные припасы, дурной хлеб, гнилое мясо или рыбу, масло, овощи, фрукты» [5]. Также в круг их обязанностей входило наблюдение «за верностью весов и мер», чтобы торгующие на ярмарках «никого не обмеривали и не обвешивали» и пользовались мерами и весами с соответствующим клеймом [6]. Кроме того, в ходе ярмарок члены земского полицейского управления занимались поддержанием общественного порядка, а именно «чтобы не обращались и не продавались на ярмарках, рынках и в лавках товары, к продаже недозволенные, а равно книги и эстампы, изданные без одобрения цензуры и вообще запрещенные правительством, а также ругательные и возмутительные рукописи, соблазнительные картины и тому подобное» [7].

В ряде случаев на ярмарки в помощь полиции направлялись и жандармские команды. Например, на Евдокиевскую ярмарку в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии в 1867 г. для надзора за порядком наряду с уездной полицией из числа корпуса жандармов был назначен один унтер-офицер и двое рядовых, поступавшие на время ярмарки в распоряжение шенкурского уездного исправника. Кроме того, в с. Благовещенское ежегодно для наблюдения за порядком на ярмарке присылали отряд конных казаков или солдат численностью до 20-30 человек [8]. На менее крупные ярмарки, не имевшие особого экономического значения, специальные охранительные отряды могли и не высылаться. Например, пинежская Никольская ярмарка, как отмечал в 1856 г. ее очевидец С.В. Максимов, «не была обставлена казаками и жандармами» [9].

Штаб-офицер корпуса жандармов в продолжение ярмарки мог быть назначен комендантом [10]. К коменданту поступали все сведения о приезжих торговцах, собранные городской думой и полицией. В обязанности временного коменданта входило следить, чтобы торговля не начиналась до того времени, как все торговцы не предъявят в полицию паспорт и не получат «на прожитие в городе и свободную торговлю особенную записку». Кроме того, комендант наблюдал за тем, чтобы «съестные припасы были в надлежащей доброте» и перекупщики «в предупреждение монополии» не

осуществляли покупок до 12 часов дня, «доколе жители закупают все нужное». По просьбе коменданта на ярмарку мог быть командирован медицинский чиновник для осмотра «доброты» продуктов [11].

На уровне сельского самоуправления особым кругом обязанностей в отношении ярмарок обладали сельские старосты. Со второй трети XIX в., согласно законодательству, в обязанности сельского старосты входило наблюдение за порядком во время ярмарок, происходящих в подведомственных ему селениях. Сельский староста должен был следить, чтобы торг не начинался до официально установленного срока и не продолжался по его окончании. Необходимо было обращать внимание на то, чтобы «питейные выставки, временно учреждаемые по случаю ярмарок и базаров, не были открываемы преждевременно и продолжаемы далее установленного для них срока, и чтобы с наступлением онаго, питья непременно были вывезены из селения». В случае нарушения установленных правил староста докладывал об этом земской полиции и сельскому старшине [12].

В целом, сфера обязанностей полиции в области ярмарочной торговли на протяжении всего XIX в. существенных изменений не претерпевала и заключалась в контроле за осуществлением торговли по всем предписанным правилам товарами надлежащего качества и вида [13]. На уровне сельского самоуправления начиная с последней трети XIX в. обязанности в сфере ярмарочной торговли специально не выделялись [14].

Особых происшествий на ярмарках Европейского Севера России не происходило. На ярмарках были «как и везде, все мелкие и крупные плутни и обманы, через которые только и продается и покупается, клятвы и всевозможные божбы торговца, предлагающего покупателям свой гнилой товар за здоровый» [15]. Вследствие этого между торговцами и покупателями периодически случались ссоры, которые в большинстве случаев были «маловажными» [16].

В ходе проверок торговли, полицией периодически выявлялись торговцы, использовавшие неклеимые или несоответствующие эквивалентам гири. Например, в ходе Георгиевской ярмарки 1873 г. в г. Усть-Сысольске Вологодской губернии полицейским надзирателем был обнаружен крестьянин Орловской губернии Трофим Зонов, применявший в торговле неклеимые заржавевшие гири. В ходе разбирательства было установлено, что гири отличаются от установленного образца, вследствие крестьянину был назначен штраф [17].

Все судебные разбирательства, касавшиеся споров между ярмарочными торговцами, происходили в словесном суде, состоявшем при магистратах и ратушах. В тех населенных пунктах, где магистратов и ратуш, и соответственно, словесного суда, не существовало, на время ярмарки из ближайших

городов определялся один член магистрата или ратуши и двое выборных из купеческого сословия. Например, на Евдокиевской ярмарке в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии в состав словесного суда входили член уездного суда и двое выборных от г. Шенкурска [18]. В случае недовольства действиями выборных торговцы могли подать на них жалобу в магистрат и ратушу. По усмотрению губернского начальства на ярмарку могли быть командированы специальные чиновники «с подтверждением, в разбирательство слушающихся там споров не входить, но отсылать спорящих без малейшего задержания в торговый словесный суд» [19].

Все дела в словесном суде на основании действовавшего законодательства разбирались «в самой высокой скорости». Однако торговцы прибегали к услугам словесного суда нечасто во избежание лишних расходов, связанных с уплатой пошлины, и предпочитали решать возникающие споры на месте [20].

Как и при любом скоплении народа, на ярмарках «вовсю» работали карманники, которые вытаскивали у «зазевавшихся покупателей» кошельки [21]. На ярмарке в г. Пинега Архангельской губернии в 1863 г. даже произошел грабёж, однако виновный был пойман и «вместе с дознанием препровожден к исполняющему должность Пинежского судебного следователя» [22]. Случались кражи лошадей [23]. Например, в 1864 г. на Пинежской ярмарке произошли три кражи лошадей, однако все виновные были найдены [24].

Не типичным, но ярким событием была драка, произошедшая в 1834 г. на ярмарке при погосте церкви Покрова Пресвятой Богородицы Раменской волости [25]. Согласно письму помещика майора Иконникова, в чьем селе и случилась драка, на эту ярмарку ежегодно приезжало большое количество народа из различных уездов – Вологодского, Пошехонского и Череповского, и «прежде в день сей важного ни чего не случалось». Однако в 1834 г. «буйный народ» Череповского уезда, «богатые напившись сами пьяны и бедных напоивши», разобрав огород местного священника, пошел с «кольями, поленьями и кистенями» на «всей народ сотен домшинской, угольской и южной и других», собравшийся «на сию ярмарку кому что надобно купить или продать». Часть местных крестьян, «оставя лошадей своих и возы на поле битвы», убежала в лес, и тем спаслась «от побой и увечий». Как писал майор Иконников, затем «никто не смел показаться, ...так ярмарка и кончилась». О жестокости произошедшей драки свидетельствуют увечья, нанесенные местным крестьянам: «Максим Федоров так бит, что едва ли не на век урод, ибо несколько недель после побой едва мог ходить... да и ныне тяжелой ручной работы не может делать»; «Стефан Павлов изувечен и обезображен»; «Аввакум Данилов служил хорошего поведения и всех

вообще качеств, которой только что приехал и сошел с лошади, тотчас обезображен и изувечен поленьями и кольями и без памяти закатился под лошадей» [26]. Такие тяжелые последствия драки стали возможны в силу того, что ярмарка проводилась в частном помещичьем селении и не контролировалась государственными стражами порядка.

Помимо охраны правопорядка важным этапом в процессе организации и проведения ярмарок был сбор сведений о товарооборотах ярмарки, числе участников, ассортименте товаров. Основная работа при этом также возлагалась на местные полицейские управления.

Еще в 1817 г. был издан указ, согласно которому губернаторы должны были предоставлять императору ведомость о ярмарках, «с означением времени, где и когда оные бывають, на какую сумму оборотов в каждой, где устроены гостиные двory» [27]. Отчеты губернаторов поступали в Министерство внутренних дел, где обобщением всех данных занимались выделенные в особую группу чиновники. Сбором и обработкой статистической информации ведали также Министерство финансов и Министерство государственных имуществ, однако доминирующая роль Министерства внутренних дел в организации статистики сохранялась на протяжении всего XIX в. В 1834 г. статистическое отделение Министерства внутренних дел было расширено, при нем была создана сеть корреспондентов. В 1852 г. отделение было реорганизовано в статистический комитет, который до 1857 г. действовал как временный, а в 1857 г. было издано положение, по которому он был переименован в Центральный статистический комитет. Органами Центрального статистического комитета на местах были губернские статистические комитеты, которые должны были составлять статистические таблицы, требующиеся Центральному статистическому комитету, и статистические приложения к губернаторским отчетам. Непосредственно сбор данных возлагался на полицейские ведомства, которые действовали через волостные правления [28].

Механизм сбора сведений о ярмарках действовал следующим образом. Министерство внутренних дел предписывало губернатору и губернскому статистическому комитету предоставлять сведения о происходящих в губернии ярмарках. Например, в 1849 г. Министерство внутренних дел предписало Архангельскому губернскому статистическому комитету сделать отчет о ходе Благовещенской ярмарки в г. Пинеге, ежегодно проходившей с 23 по 31 марта [29]. Губернские власти, в свою очередь, действовали через уездные органы управления. Например, в 1863 г. Архангельский губернский статистический комитет предписал шенкурскому уездному исправнику собрать сведения о Евдокиевской ярмарке, в с. Благовещенском; в 1872 г. архангельский губернатор и архангельский губернский статистический

комитет предписали городскому полицейскому управлению Архангельска предоставить сведения о Маргаритинской ярмарке [30].

По окончании ярмарки уездные полицейские управления посылали губернатору ведомость о ее торговых оборотах, ассортименте товаров, количестве участников, а также информацию о том, из каких губерний и уездов приезжали торговцы [31]. Для сбора информации полицейские чины использовали специальные анкеты – «листки», в которые необходимо было вписывать ценность и наименование всех проданных и купленных за время ярмарки товаров. Анкеты раздавались в начале ярмарки торговцам и лицам, в чьих домах останавливались приезжие. Когда отведенное для ярмарки время подходило к середине, представители полиции обходили торгующих, напоминая о необходимости заполнить розданные ранее «листки». В конце ярмарки анкеты собирались. Однако часть торговцев еще до окончания ярмарки уезжала, а некоторые к тому времени теряли розданные «листки» в дни ярмарочной суеты.

Согласно рапорту шенкурского уездного исправника Архангельской губернии, в ходе Сретенской ярмарки 1877 г. из розданных им 182 «листочков» обратно было получено только 40, а в ходе Евдокиевской ярмарки в с. Благовещенском из 266 «листочков» было возвращено лишь 42 [32]. В подобных случаях сведения о торговых оборотах указывались приблизительно, например, записывались со слов домохозяев, у которых останавливались на постой торговцы. Однако и сведения анкет не были точны, так как торговцы нередко указывали несоответствующие действительности объемы привезенного и приобретенного товара, боясь уплаты больших пошлин [33].

Параллельно с представителями местных властей сведения о ярмарках собирали действительные члены губернского статистического комитета: учителя, врачи. Так, информацию об упомянутой Евдокиевской ярмарке в с. Благовещенском Шенкурского уезда в 1863 г. наряду с шенкурским земским исправником собирал учитель уездного училища – член губернского статистического комитета [34].

Члены статистических комитетов работали при помощи других методов. В первый день ярмарки они обходили торговцев и в ходе беседы с ними выясняли необходимые сведения о привезенном товаре. Однако и эти данные нельзя считать объективными. Во-первых, торговцы не всегда могли правильно указать объем имеющегося у них товара, так как не производили специальных подсчетов. К тому же в ярмарочной суматохе им было не до бесед со статистиками, и поэтому часто они отвечали наугад. Во-вторых, торгующие нередко умышленно завышали или занижали реальные цены и объемы своих товаров. Происходило это не только из-за боязни пошлин, но и в силу законов рынка: постоянно окруженные в ходе ярмарки покупа-

телями, торговцы стремились прилюдно назвать ту цену и тот объем товара, которые позволят его сбыть наиболее выгодно и быстро. В-третьих, в ходе ярмарки торговцы периодически выставляли на продажу новый товар, который не всегда успевали фиксировать члены статистического комитета [35].

В итоге, сведения об одной и той же ярмарке, собранные разными инстанциями, часто существенно различались, что объяснялось несовершенной системой сбора информации. Член Архангельского статистического комитета даже утверждал, что «верные сведения собрать невозможно» [36]. Однако хотя сведения о динамике ярмарочного торгова и не являлись полностью достоверными, тем не менее они давали представление об общих тенденциях развития ярмарочной торговли, позволяли получать сведения об основных предметах торгова различных ярмарок губерний, давать общую оценку динамики торгова. Благодаря этой информации губернские и центральные власти могли своевременно принимать эффективные меры по улучшению торгово-экономической жизни региона.

Но всё же основная, требующая большой скрупулезности работа и весь груз ответственности относительно охраны правопорядка и статистической отчетности по ярмаркам на протяжении XIX в. лежали на плечах полицейских управлений. И уже от степени рачения и аккуратности последних зависело, насколько был соблюден порядок осуществления торгова и насколько собранные по ярмаркам сведения соответствовали действительности.

Литература и источники

1. Свод Учреждений государственных и губернских // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 2. Ст. 2337-2338.
2. Там же. Ст. 2340, 3942.
3. Там же. Ст. 2575.
4. Там же. Ст. 2595, 2607.
5. Там же. Ст. 2608, 2609.
6. Там же. Ст. 2611.
7. Там же. Ст. 2364, 2511, 2512.
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 617. Л. 1; Веревкина Г.А. Указ. соч. С. 262.
9. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 492.
10. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 617. Л. Зоб.; О ярмарках / Свод учреждений и уставов торговых // Свод законов Российской Империи. Т. 11. Ст. 2565, 2566. СПб., 1842. С. 381.
11. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 1031.
12. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 2337-2339 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 2. Ст. 4982.

13. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 812-815 // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2; Там же. Ст. 2146, 2164, 215.
14. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 2191, 2196, 2212, 2213 // Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 2.
15. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 118-119.
16. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1 Д. 960. Л. 112.
17. Национальный архив Республики Коми. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1702.
18. Веревкина Г.А. Евдокиевская ярмарка в Благовещенском // Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области. М., 2003. С. 264.
19. Устав торговый. Ст. 2562-2563 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2855-2857 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2855-2857 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2.
20. Устав торговый. Ст. 2564-2566 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2858-2560 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2858-2560 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 603 // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 603 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 11. Ч. 2.
21. Ярмарка // Архангельск. 1913. 11 окт. С. 4.
22. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 17, 22-23, 26 об., 29.
23. Максимов С.В. Указ. соч. С. 492.
24. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 15. Л. 4, 16, 20.
25. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 675.
26. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 675. Л. 4.
27. О доставлении сведений о ярмарках. 28 ноября 1817 // ПСЗ-1. Т. XXXIV. СПб., 1830. № 27167.
28. Свод учреждений губернских. Ст. 605-607 // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 160, 162, 165, 207; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. Источниковедение. М., 2000. С. 429-431.
29. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 130. Л. 1.
30. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 3; Д. 99. Л. 1.
31. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 23; Д. 21. Л. 1-23; Д. 31. Л. 5; Д. 96. Л. 2; Д. 99. Л. 1; ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 3; Ф. 18. Оп. 1. Д. 1490. Л. 1-26; ГУ РК «НАРК». Ф. 112. Оп. 1. Д. 8.
32. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 31. Л. 5, 31 об.
33. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 15. Л. 20.
34. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.
35. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6, 6 об.
36. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.

